

Николай Рыбинскій

ГАЛЛИПОЛІЙСКІЕ
РАЗСКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЁРНАЯ СОТНЯ

Николай Рыбинский
Галлиполійськіє рассказы

«Автор»

1926

Рыбинский Н. З.

Галлиполійськіє рассказы / Н. З. Рыбинский — «Автор», 1926

Сборник «Галлиполийские рассказы» посвящён пребыванию 1-го армейского корпуса в Галлиполийском лагере. Живые истории из жизни русских солдат во время Галлиполийского сидения в Турции. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

© Рыбинский Н. З., 1926

© Автор, 1926

Содержание

Семеро[1]	7
Весною[2]	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Н. Рыбинский

Галлиполійські рассказы

Семеро
Весною
Другъ
Володя

Основой для подготовки текста послужило оригинальное издание, выпущенное издательством главного правления Общества галлиполійцевъ въ 1926 году въ Бѣлградѣ въ Русской Типографіи на Космайской, 15.

Настоящій текстъ подвергся лишь незначительной корректурѣ, не связанной съ содержаниемъ произведенія.

Выпускъ подготовленъ командой интерактивного издательства «Чёрная Сотня».

«Чёрная Сотня» – книжное издательство, основанное двумя студентами в 2013 году. Наша Миссия – восстановление и возвращение в Россию литературного, культурного и научного наследия русского зарубежья, а также трудов, которые по тем или иным причинам не переиздавались в советское время.

© Издательство «Чёрная Сотня», 2018 г.

Официальное сообщество ВКонтакте
www.vk.com/chernaya100

Интернет-магазин издательства
www.chernaya100.com

Семеро¹

Я просматривалъ сегодня свою записную галлиполійскую книжку. Перелистывалъ пожелтѣвшіе, уже отрѣпанные по краямъ, листы старой тетради и невольно задержался на одномъ мѣстѣ... Привожу запись полностью, замѣнивъ только фамиліи вымышленными.

* * *

До захода солнца ещё далеко, а въ землянкѣ темнѣеть сразу. Сѣрые камни, изъ которыхъ она сложена, какъ губка впитываютъ темень, становятся чѣрными. Тогда землянка – колодезь.

Наша землянка на самой вершинѣ холма; выше насъ только руины греческой церкви, гдѣ мы работаемъ, да новое зданіе греческой школы, гдѣ теперь помѣщается лазаретъ «Бѣлаго Креста».

Въ землянкѣ насъ семеро, и сложена она изъ камня и плитъ, которыя мы собрали тутъ же среди развалинъ. Нѣкоторыя изъ мраморныхъ плитъ старыя, времёнъ древней Эллады, то ли изъ храма, то ли съ кладбища, по стѣршимся надписямъ не разобрать теперь... Камни сложены безъ всякой скрѣпы, щели засыпаны землёй, а перекрыта землянка тростникомъ, кусками желѣза и дѣрномъ. Во время дождя она промокаетъ, но мы довольны своей работой и гордо зовѣмъ её «циклопической постройкой».

Греческій священникъ папасъ Григорій, у котораго мы работаемъ, эксплуатируетъ насъ вовсю. Мы подносимъ тяжѣлые камни для каменщиковъ-грековъ и вывозимъ землю. За 11 часовъ такой работы онъ долженъ платить по 7 драхмъ. При расплатѣ по субботамъ онъ всякій разъ старается удержать съ cadaго изъ насъ по одной драхмѣ. Цѣль удержанія намъ неизвѣстна, и мы всегда протестуемъ.

Папасъ Григорій знаетъ, что мы офицеры, но почему-то зовѣтъ насъ «стратегіозъ» – солдатами; такъ, видно, удобнѣе. Съ языкомъ мы быстро освоились: кромѣ «драхмы» и «лепты» знаемъ, что «кали спера» по-гречески значить – добрый вечеръ, а «кали мера» – доброе утро. Греки же никакъ не могутъ усвоить русскій языкъ, и даже наши «да» и «нѣтъ» имъ трудны, такъ какъ привычныя покачиванія головой при этихъ словахъ у нихъ имѣютъ обратное значеніе. Если мы отрицательно качаемъ головой, то здѣсь, на Востокѣ, это означаетъ какъ разъ согласіе, утвержденіе; наклоненіе головы прямо – отрицаніе. Однако мы безъ особаго труда понимаемъ другъ друга и свободно обходимся имѣющей въ нашемъ распоряженіи наличностью словъ. Сегодня, на примѣръ, когда папасъ Григорій скомандовалъ намъ: «элеваторъ», мы сразу поняли, чего онъ хочетъ. Мы вмѣстѣ съ каменщиками образовали длинную цѣпь и,

¹ Изъ «Юбилейнаго» № 11 «Вѣстника Гл. Правленія О-ва Галлиполійцевъ». Ноябрь 1924 г.

стоя на лѣсахъ, перебрасывали изъ рукъ въ руки черепицу. Труднѣ всего пришлось мнѣ, такъ какъ я стоялъ на самомъ краю крыши и отъ усталости боялся оступить. Въ общемъ работа по сравненію съ прежней не была тяжёлой, но утомила насъ своимъ однообразіемъ.

Въ открытую дверь землянки видно, какъ торопливо прячется за бугромъ красный, словно выкупавшійся въ крови, шаръ. Въ послѣдній разъ холоднымъ золотомъ встрепенулась вода и сразу потемнѣла.

На дворѣ мартъ, а вечера выдаются холодные. Свѣтъ отъ тлѣющихъ углей не можетъ пробиться до стѣнъ; освѣщены только наши лица. И оттого, что землянка всегда мрачна, Глѣбъ каждый вечеръ говоритъ одно и то же.

– Галлиполи – колодезь, на днѣ котораго томятся обречѣнные. Что же дальше? Ну, хорошо, работа у грековъ, отъ которой ноетъ спина и сочатся кровью руки. Неизбѣжно, и потому – понятно. Но дальше что?..

Потомъ, какъ всегда, онъ говоритъ о неоконченной работѣ, о томъ, что, не будь войны и революціи, онъ давно былъ бы приватъ-доцентомъ, а не штабсъ-капитаномъ, который теперь никому не нуженъ, котораго зачѣмъ-то завезли и бросили въ Галлиполи. Глѣбу труднѣ всего осознать, что онъ – носитель высшихъ цѣнностей – долженъ заниматься физическимъ трудомъ, который его принижаетъ... У Глѣба русая борода и красивое интеллигентное лицо, но когда онъ начинаетъ философствовать, лицо становится безпомощнымъ, простымъ, и онъ напоминаетъ тогда обиженнаго мужика. Больше всѣхъ говоритъ Глѣбъ; остальные слушаютъ или вставляютъ короткія реплики. Нефединъ цинично сплёвываетъ и вмѣстѣ съ плевкомъ озлобленно выбрасываетъ:

– Надо, господа, хоть иногда быть честными съ самимъ собой. Надо признать, что случай въ жизни cadaго изъ насъ – всё. Всѣплыли по теченію. Случайно – здѣсь; случайно – не у красныхъ...

Оба брата Петровыхъ всегда переглядываются молча. Они никогда не спорятъ; что-то важное, давно рѣшенное, молча хранятъ про себя. И только Ивановъ съ Кузнецкимъ упрямо твердятъ, что надо держаться въ Галлиполи, не отрываясь другъ отъ друга, во что бы то ни стало. Противъ ума Глѣба имъ не устоять, и они обычно кончаютъ такъ: «какъ хочешь, а мы остаёмся».

Глѣба пугаетъ привычка. Мы привыкли уже; мало того, у насъ уже есть свои радости: первыя заработанныя деньги дали возможность купить мыла, табаку и сахару... Втянемся, привыкнемъ и зачеркнемъ многое изъ прошлаго.

Глѣбъ – типичный русскій интеллигентъ и любитъ поговорить; Нефединъ вторитъ короткими плюющими фразами:

– Боролись съ коммуной, а сами живѣмъ коммуной, ѣдимъ изъ общаго котла. Боролись съ рабочими, и сами рабочими стали... Иронія судьбы. Оттого, что всё время плыли по теченію. Инициативы не было... Теперь спасеніе – въ личной инициативѣ... Ужъ если я обречѣнъ быть рабочимъ на чужбинѣ, такъ дайте мнѣ возможность выбора труда, а не связывайте при этомъ дисциплиной и строемъ...

Такъ каждый вечеръ послѣ трудового дня мы ведѣмъ бесѣды на тему о смыслѣ Галлиполи.

* * *

Мелка галлиполійская бухта, и огромный трѣхтрубный «Ріонъ» бросилъ якорь далеко отъ берега. Въ страстной четвергъ мы распрощались на пристани.

Случилось это много раньше, когда наша землянка какъ-то сама собою раздѣлилась на уѣзжающихъ и остающихся. До этого мы молчаливо согласились избѣгать острыхъ вопросовъ, говорили мало, но на пристани не выдержали. Моросилъ мелкій, холодный дождь, и Глѣбъ почему-то сказалъ, должно быть, чтобы что-нибудь сказать:

– А въ Бразиліи сейчасъ тепло. Зимы тамъ не бываетъ... – потомъ улыбнулся: – въ дѣтствѣ училъ, что тамъ пампасы какіе-то... Теперь вотъ, самъ увижу.

Помолчали.

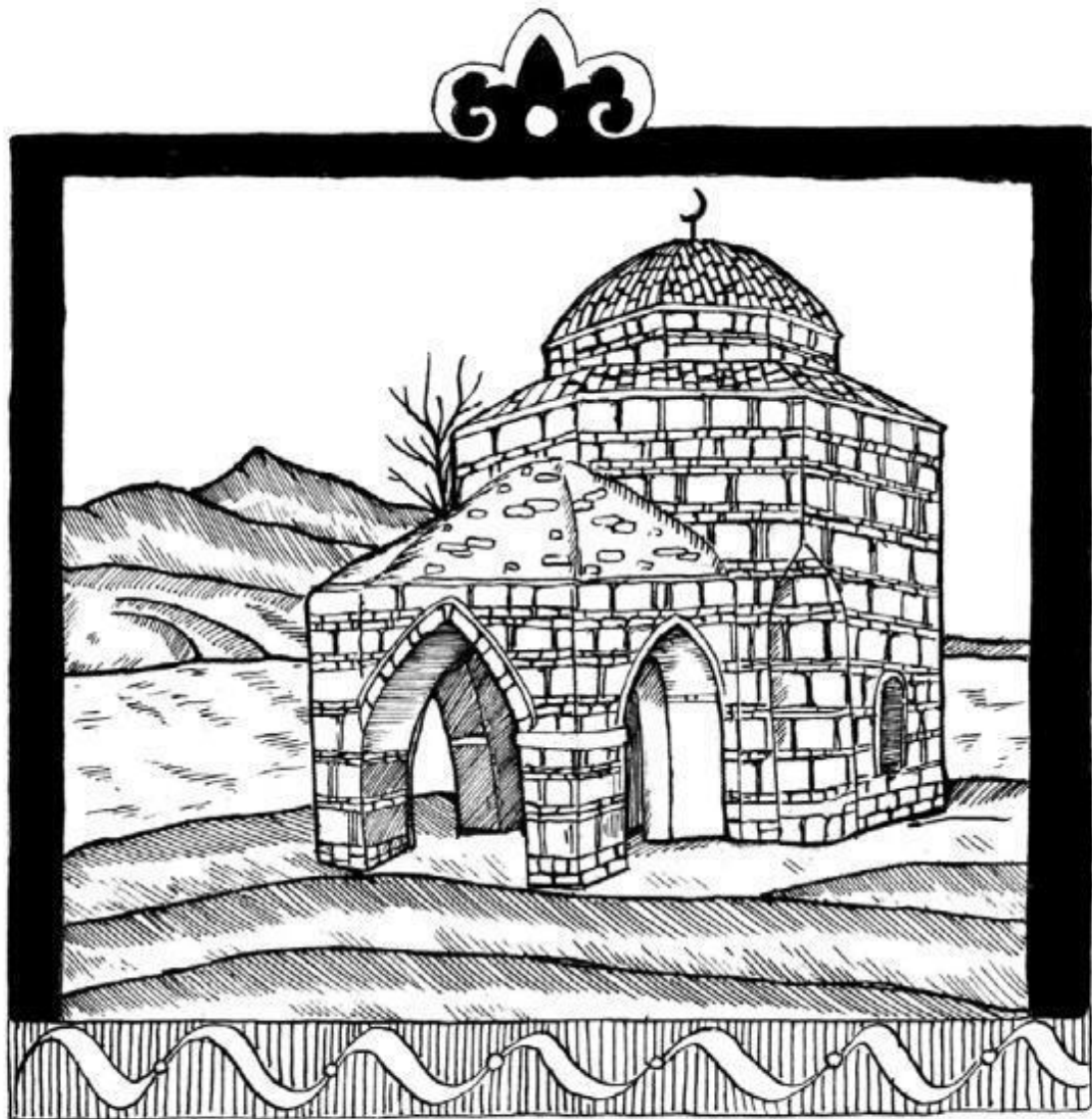
– Кофейныя плантаціи... На кой чѣртъ онѣ мнѣ нужны... Вѣдь я, братъ, носитель другихъ, высшихъ цѣнностей. Не будь войны и революціи...

– Остался бы, Глѣбъ, – замѣтилъ я. Но вмѣсто отвѣта, онѣ вдругъ заплакалъ:

– Не презираешь? Слабый я человекъ, но не плохой...

Мраченъ былъ и Нефединъ, то и дѣло выплёвывалъ фразы: «Скорѣй бы. И чего тянуть, сволочи!» Братья Петровы спокойно ожидали погрузки на фелюги; они про себя знали что-то...

Мы возвращались втроёмъ...

Весною² (Изъ «Галлиполійскихъ этюдовъ»)

Въ этотъ пасмурный день, когда плакало небо и раздавались рѣдкіе, мѣрные удары колокола, тоскливо и безотрадно было дома, въ землянкѣ...

Въ старенькой сѣрой церкви много народа. Серьёзные лица молящихся шепчутъ слова старыхъ молитвъ, а мысли гдѣ-то далеко, далеко...

– «Духъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія даруй ми, рабу Твоему...»

Нѣтъ, Господи, не могу. Какъ забыть, какъ простить, гдѣ взять терпѣнія?..

Я ухожу изъ церкви.

Грязныя улицы, грязное небо, грязное море... Далекое на рейдѣ огромное и мрачное, какъ тюрьма, трѣхтрубный «Ріонъ». Мнѣ некого провожать, и я просто пришёлъ посмотреть.

Ихъ много. Это – просто несчастные люди. Бѣдные дѣти обнищавшаго народа, всюду гонимыя и нежеланныя. Они не выдержали тяжёлыхъ испытаній, и отчаянье шепнуло имъ, что неизвѣстность лучше дѣйствительности.

Кто они, взыскующіе града?.. Они долго и молча шли по тернистому пути. Градь показывался то совсѣмъ близко, то неясно мерещился въ туманѣ. Уже видны были золотыя купола церквей, слышенъ былъ трогавшій сердца долгожданный, мягкій благовѣстъ колоколовъ...

Но яркое лѣто смѣнялось печальной осенью... Размокли дороги, липкая грязь приставала къ ногамъ, и густыя туманы обволакивали дороги... Невидень становился градъ; но шли молча, не оглядываясь, вѣрили, что рано или поздно будутъ на вѣрномъ пути... И вотъ на этой большой и вынужденной остановкѣ они впервые обернулись на пройденный путь.

Сомнѣніе, утрата вѣры?.. Не знаю. Я слушаю ихъ разговоры.

– Имѣлъ полную возможность оставаться у большевиковъ. Служилъ бы въ Совнархозѣ, да не могу. Противно стало. Добровольно ушёлъ. На границѣ поймали, къ стѣнкѣ ставили... Всѣ-таки ушёлъ, и не жалѣю...

– Не жаль и мнѣ прострѣленныхъ ногъ и лёгкаго, и голодь не пугаетъ... Да дальше что же?.. Снова походъ, снова мы сдѣлаемъ всё, что въ нашихъ силахъ, а въ тылу снова спекуляція, предательство, и снова не по нашей винѣ бѣжать, бросая больныхъ и раненыхъ...

– Да, въ Ростовѣ два госпиталя сожгли... А Новороссійскъ, а теперешняя расправа въ Крыму?..

---

² Прочитано авторомъ въ пасхальномъ номерѣ «Устной Газеты» въ 1921 году въ Галлиполи. Впервые было напечатано въ № 2 газеты «Галлиполи». Бѣлградъ. 8-го апрѣля 1923 г.

– Одному погони вырѣзали, а другой за его спиной богатѣль, валюту скупаль. Всѣ – для Россіи, говорили...

– Да и гдѣ она, настоящая Россія?.. Тамъ, гдѣ подъ угрозой разстрѣла Интернаціональ поють? Та, что въ атаки на насъ шла, подгоняемая латышами?.. Тѣ, что заранѣ унесли ноги отъ всѣхъ передрагъ и до сихъ поръ не оставляють насъ своими совѣтами?.. Или наши буржуи, для которыхъ паи берлинскаго трамвая такъ же дороги, какъ и заводъ, брошенный въ Кіевской губерніи?..

– Знали вѣдь, что голодаемъ, оборвались, обовшивѣли, а вѣдь ни одного куска мыла не могли прислать.

– Спасибо, американцы пожалѣли...

– Американцамъ это ничего не стоитъ. Они могутъ.

– А наши развѣ не могутъ?.. Э, да что говорить... Пусть ничего не дають. Всѣ потеряли, перенесѣмъ и это...

– А всё-таки тяжело и больно. Ещё дальше будешь отъ Россіи... Не скоро увидишь её, да и увидишь ли вообще?.. Тяжело сознавать, что на праздникъ воскресенія ея тебя не будетъ!..

Въ сторонѣ понурая солдатская масса.

– Ъхать назадъ въ Россію, пока въ ней большевики, мнѣ никакъ невозможно... Можетъ, и не разстрѣляють, а не могу я жить подъ коммуной. Хозяинъ я, понимаешь...

– Да, тамъ только одна шантрапа и можетъ управляться. Серьёзному мужику тамъ дѣлать нечего. Опять же комитеты, комбѣды, развѣрстка – разбой чистый...

– Семейство тамъ осталось... Дѣтушекъ особливо жалко. Что-то тамъ съ ними... Ну, да будь что будетъ, а только съ коммуной мнѣ не по пути.

– А тамъ, въ Америкѣ, сказывають, народъ вольный. Большевиковъ и въ поминѣ нѣту. Займусь хлѣбопашествомъ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.